

## Надруковано:

Вишницкая Ю.В. Ассоциативная зазоринка между... (хаос и космос произведений Витальда Гомбровича). // Наукові записки. – Випуск 75(3), – серія: Філологічні науки (мовознавство): У V ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В.Винниченко, 2008. – 424с. – С.14-16.

Вишницкая Юлия Васильевна  
(г. Киев)

### АССОЦИАТИВНАЯ ЗАЗОРИНКА МЕЖДУ... (ХАОС И КОСМОС ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА)

*У статті розглянуто асоціативні ряди ключових образів повісті польського письменника Вітольда Гомбровича «Космос», описано їх міфопоетичний контекст, досліджено об'єктивізацію опозиції «хаос – космос» у тексті. Автор послуговувався методом семантичного декодування образів, мотивним аналізом, домінуючим при роботі з текстом був метод контекстуального аналізу з виокремленням асоціативних образних та мотивних рядів.*

*Наплывы слов как на грязных  
обоях... как на потолке...*  
В.Гомбрович. «Космос»

Мир Витольда Гомбровича – хаотичен и непредсказуем. Но в «изменчивом пространстве светотени, которое подступало и откатывалось, замирало, набухало и <...> поддавалось, размыкалось» [К. 24], выделяются образы-стержни, на которых и держится хаос.

К смыслу в текстах Гомбровича нужно пробираться «сквозь путаницу мыслей в чащобе, изобилующей миллионом комбинаций» [К.25], сквозь «плен ассоциаций» [К.125]. «Паутина смыслов» опутывает антропо- и зооморфную, а также атрибутивную модели мира: руки, губы, воробья, кота, палочку и т.п. соединение образов, каждый из которых кажется «неисчислимой армадой, клубящейся тучей» [К. 182], - очень странное соединение «неопределенных знаков» действительности и сознания, которое «расплывалось в бессмыслице, как в тумане...» [К.217].

Рассмотрим один из образов-стержней хаоса – **«губы»**.

«Из буфетной вынырнула Катася, чтобы убрать теремок, и ее вывернутая, скользко скошенная губа появилась вблизи губ напротив меня<...>. Губы сразу начали «соотноситься с губами... Я видел, что одновременно и муж ей что-то говорил, и пан Леон вставлял свои замечания, и Катася хлопотала по хозяйству. А губы соотносились с губами, как звезда со звездой, и это созвездие губ подтверждало ночные бредни<...> но губы с губами, эта выскальзывающая мерзость скошенного выверта с мягкими и чистыми сжатыми – открытыми... будто у них действительно было что-то общее? Меня охватило судорожное напряжение: ведь у губ, не имеющих ничего общего, было, однако, что-то общее» [К.43-44]. И это странное открытие ошеломляло, вселяло «рассеянность» и «мучительное ощущение потерянности» [К. 45].

Губы соединились с губами вторжением друг в друга: «губы, выскальзывающие из губ, губы, становящиеся тем более губами, чем менее были губами...» [К. 29].

То есть губы с губами = губы из губ. «Губы» космологизируются: губы творят губы: соединение – из произрастания,  
разрастание – из вторжения...

Соотношение губ, из хаоса поднявшее «ротогубое созвездие, несокрушимо сверкающее, сияющее» [К.75], открывало «темный провал, притягивающий и всасывающий» [К.62] – систему ассоциаций, уравнивающую мифопоэтические модели: «губа была сродни палочке, а также воробью, хотя бы из-за странности этой губы» [К.62].

С одной стороны, это – цепочка ассоциативных образов, маркированных «странностью», с другой – это объективация соотносящихся губ: «...за губой Катаськи проступали сжатые-открытые губы Лены, и меня будто жаром обдало – эта палочка, соотносящаяся с воробьем в кустах, была первым (но, о-хо-хо, бледным и неясным) вещественным свидетельством мира, которое хоть как-то обосновывало мой бред относительно губ Лены, «соотносящихся» с губами Катаси» [К.62-63].

Характерно, что эта, вначале капризная, невинная, мимолетная, бредовая ассоциация, позже – пугающая и вызывающая «первую спазмусхватку-ловушку» [К.193], - в итоге разрушает разность губ: губы, «всосавшие» в себя другие губы, и губы, возникшие из других губ, - отождествляются, заражаются уродливостью этой аналогии: « - Я вздремнула после обеда.

Это она сказала губами, о которых я знал (и уже не мог не знать), что они *опоганены теми губами*. У нее были *те губы*...» [К.162].

Слитость губ (в смысле отождествления, а не слияния) порождает новые ассоциативные сцепления образов: смысловая «зазоринка» между губами принимает **омерзительные гипертрофированные формы открытого рта**,

а) насыщающегося едой [К.200],

б) блюющего [К.210-213],

в) плюющего («плюнуть в губы, плюнуть в губы» [К.200]),

г) извергающего слова, «гуща» которых «заваривалась и расплзалась» [К.200].

Щель рта, трансформировавшаяся в «дыру, яму», опрокидывала невинность и страстность касаний губ (в этом значении образ губ в тексте не реализуется), сведя все к смерти: наконец-то губы соединились с «повешением» (эпизод засовывания пальца в рот повешенному коту – [К.221-222]): как губы доминировали – выползали из хаоса ассоциаций, так и «повешение напозало изо всех углов» - нужно было «распутать все нити» [К.220] и герой романа «Космос» вешает кота: «энергия повешения и энергия губ» [К.223] – слились.

Образуя своеобразный космос слияний, невероятные сетки, нити смыслов, щели ассоциаций, сталкиваясь и путаясь в «мусорной куче» [К.80]

(к которой – через губы и от которой – к губам), образы все же в мире Гомбровича «не хотели общаться и расползались по норам» [К.193]. Иллюстрацией такой «норы» может служить образ ямы, ставшей «средоточием тьмы» и аналогией повешения. Мифологизированная преисподняя «раздробилась» на ряд ее атрибутов, сводимых к образу палки. «Приглушенный свет фонаря» [К.90] поочередно высвечивал предметы в комнате Катаси, нащупывая «разврат, извращение, мерзость» [К.91]: «Я всматривался в кучу хлама, он тоже – мне, вероятно, хотелось отыскать там чуть заметный свинский выверт скошенной губы, и вдруг действительно показалось, что обломки кирпича, оглобли, ремни, мусор начинают пульсировать атмосферой ослизло закрученного выверта в оправе извращения<...> я подбираюсь к губам теперь уже со стороны мусорной кучи...» [К.80].

«Яма», герметизировавшаяся в «палке», сузилась до «гвоздя в стене», до «пилки для ногтей, воткнутой в картонную коробочку», до «стального перо, вонзенного в корку от лимона», до «иглы, вбитой в стол» [К.93-94]. Именно эта «вонзенность», «воткнутость», «вбитость» разлагала вещи: в центре мертвеющего хаоса выросла звук вколачивания: оставленное в комнатке Катаси, «теперь оно <вколачивание – Ю.В.> чудовищно разбушевало» во дворе (мать Лены, пани Кубышка, топором била по полену) и в доме (Лена била по столу ботинком). К этому грохоту присоединился еще один «по-настоящему коварный, не такой простой для объяснений, даже злорадный...» [К.112]: «вломиться к Лене» [К.97], «пробиться к ней!» [К.113].

Переизбыток звуков, накалившихся до предела, от которых раскалывалось пространство «внутри дома», «вне дома» и «за пазухой», «свинство расползающихся и разлагающихся предметов, падающих в яму комнаты – рта и в хаос природы - мыслей – до изнурения, до пресыщения - вдруг взорвался в... «чайнике» «изысканностью бедлама, роскошью хаоса» [К.95].

Равнодушие вещей и равнодушие людей, накопившиеся в немислимых комбинациях, стало причиной трех повешений: воробья, палочки и кота. Характерно, что последнее повешение (кота) явилось продолжением надлома – врывания – вламывания – пробивания к Лене: «Ха-ха, я подбирался к ней с помощью удушения ее любимого кота – в бешенстве, что иначе нельзя!» [К.102]. Удушение кота стало реакцией на переизбыток реальность», выразившийся в «чайнике»: «вдруг я убил из-за переизбытка, для добавки, для пристяжки, т.е. удушение, как и чайник, уже чрезмерно» [К.103], «Удушение кота - это мой яростный ответ на провокацию бессмысленностью чайника» [К.144].

Лабиринт причин – следствий, взаимозависимостей – разрастался. Выходом явился **поиск космического стержня**: «чего же я искал? чего? Основной тональности? Начальной мелодии, какого-то стержня, вокруг которого моя история здесь могла бы оформиться, сложиться?» [К.123]. Если хаос держался на образах губ, рук, рта, повешенных воробья, палочки, кота, -

на образах, тонущих друг в друге, выползающих друг из друга, взаимозаражающихся и разлагающихся, насыщающих до безмерности пространство и время, то что-то же должно было оформиться, не растекаясь, не растворяясь в себе и в другом, что-то должно было отделиться от «многообразия и чрезмерности, от хаоса и мешанины» [К.123]: «Что же это, размышлял я, раздвигая траву. Такую же, как и тогда, что? Любовь, да какая там любовь; страсть, да, но какая? Начнем с того, что я совершенно не знал и не понимал, кто же она, какая она, слишком путаная, неопределенная, расплывчатая<...> она была неуловима и мучительна, я мог представить ее себе и так и сяк, в ста тысячах ситуаций, подходить к ней с той и с другой стороны, терять ее и находить, вертеть ею на все лады<...> но не подлежало сомнению, что ее пустота засасывала и поглощала меня, она и только она...» [К.123-124].

Итак, стержень, имплицитный трехкратным повешением (воробья – палочки – кота), реализуется в образе небесных птиц – ястреба и орла, придавая таким образом «идею повешения» (= «неподвижности» - Ю.В.) доминирующее качество» [К.143]: «повешение напоздало на меня изо всех углов» [К.220]. «Я был воплощением повешения» [К.222].

Но высшей точкой – космическим стержнем – средоточием чрезмерности у В.Гомбровича является слово «**берг**», обозначающее в тексте «сверх, чересчур», «лавину, наводнение», «извержение», «выход наружу тайны», «разрешение хаоса»: «Мы оба сидели очень тихо, прислушиваясь к слову «берг»... будто это был гад подземный, из тех, которые никогда не выползают на свет Божий... и вдруг он оказался здесь, на виду у всех... Если бы сказал «берг» он, ничего бы не было. Но я тоже сказал «берг». И мой берг, объединившись с его бергом (личным, тайным), вырвал его берг из скрытого состояния. Это уже не было придуманное, частное словечко какого-то чудака. Это было нечто существенное. Нечто реально существующее<...> И сразу оглушительно выстрелило над, толкнуло в, подчинило себе...» [К.210].

«Берг» стало материализованной (вербализованной) ассоциативной зазоринкой между образами-стержнями хаоса, связанными аналогией: губами – воробьем – палочкой.

Все ассоциации и «щели» между образами вдруг напряглись, готовые к «берг-наступлению» - все, «как мусор в кипящем потоке водопада», - готово было взорваться, дойдя до высшей точки напряжения. Всенарастающая напряженность здесь – модификация страсти – соединения – звукового набухания – разрастания: образы в своих немислимых комбинациях доходят до предела, ассоциативные зазоринки между ними смыкаются, исчезают, растворяются, слова обретают утраченный смысл. Но...разрядившись в «берг» и уже, казалось бы, настроив какие-то логические связи, будто бы уже выстроившись в систему – вот он, космос! – образы... распались – «Опять грязная стена. Мешанина.» [К.210]. И опять – «ее губы усугублялись губами ксендза как повешение палочки усугубило повешение воробья – как

повешение кота усугубило повешение палочки – как втыкание шпильки привело к ударам молота – как я берга подкрепил моим бергом» [К.213].

Хаос не разрешился в Космос.